А. Тихомировъ.

СВЯТОЙ ДОЛГЪ НАУКИ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1915.

Оттискъ изъ Юбилейнаго сборника Императорской Московской Духовной Академіи.

Святой долгъ науки.

Я есмь путь и истина и жизнь.
(Ін. 14, 6)

Кто отречется отъ Меня предъ людьми, отрекусь отъ того и Я предъ Отцемъ Моимъ Небеснымъ. (Мѳ. 10, 33).

Мы переживаемъ такое время, когда нашъ умъ и сердце прикованы къ войнѣ народовъ, возросшихъ въ свѣтѣ христіанской культуры. Можетъ ли быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, каковъ смыслъ этой культуры, какова ея основная цѣль? Цѣль эта—борьба съ грѣховной стороной человѣческой природы. Истинно культурное, т. е. христіански культурное государство, должно стремиться исполнить, насколько это возможно для человѣческихъ силъ, завѣтъ Христа: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всею крѣпостью твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и ближняго твоего, какъ самого себя“ (Лк. 10, 27). Отсюда прямая задача христіански культурнаго государства—бороться и внутри, и внѣ государства противъ всего того, что препятствуетъ исполненію этого завѣта, бороться съ преступленіемъ, противиться злу.

Австрія, какъ государство, совершила преступленіе: обманнымъ образомъ объявила Сербію виновницей политическаго убійства австрійскаго наслѣдника престола, — чтобы тѣмъ создать предлогъ для объявленія войны.

Вѣрная задачамъ христіанской культуры Россія тотчасъ же встала на защиту Сербіи, какъ государства, одновременно, и преступно обвиненнаго, и слишкомъ слабаго для того, чтобы однѣми своими силами защитить правоту своего дѣла. Германія задумала помѣшать Россіи исполнить ея христіан-

скій долгъ и, когда Россія этому воспротивилась, объявила ей войну.

И вотъ передъ нами великое событіе міровой исторіи: Россія въ союзѣ съ Франціей и Англіей, ставшая на защиту попраннаго права, ведетъ войну съ Германіей и Австріей, которыя обѣ не скрываютъ въ дѣйствительности уже давно, что для нихъ справедливость—ничто, т. е. что онѣ уже не считаютъ завѣтъ Христа идеаломъ государственной жизни. Посягая на христіанскую культуру, а слѣдовательно и на самую вѣру во Христа, враги наши неизбѣжно становятся служителями діавола. Вотъ почему для насъ и не должны быть удивительными та злоба и самая низкая ложь, которыя проявлены съ самаго начала войны нашими врагами—отъ германскаго повелителя и до нѣмецкой черни. Передъ нами обезумѣвшіе падшіе люди: мня себя „высшими" людьми, они являются прямо „сверхнегодяями", достойными за совершенныя уже ими дѣянія самыхъ строгихъ наказаній, установленныхъ уголовными законами. Какъ нѣкогда евреи, распявшіе Христа, пришедшаго спасти человѣчество отъ грѣха, не удовлетворились только преданіемъ его смерти, но и тѣшились еще надруганіемъ и издѣвательствомъ надъ Нимъ, стоявшимъ передъ ними въ Своей человѣческой безпомощности, такъ и враги наши въ настоящей войнѣ ищутъ всякаго случая, чтобы адски надругаться надъ безпомощными жертвами войны, начиная отъ раненыхъ и кончая грудными дѣтьми. Повторяю, во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Передъ нами здѣсь нѣтъ ничего новаго и невиданнаго. Ясно, что мы имѣемъ передъ собою все то же отображеніе первороднаго грѣхопаденія человѣка—отпаденіе отъ Бога по соблазну діавола.

Какъ ни печальна открывшаяся передъ нами картина, она въ высшей степени для насъ поучительна. Вѣдь дьявольскій соблазнъ грѣха ждетъ насъ на всѣхъ поприщахъ, и, лишь только мы начнемъ ему поддаваться, намъ съ [каждымъ шагомъ будетъ труднѣй и труднѣй устоять отъ дальнѣйшаго паденія.

Служителямъ науки объ этомъ нужно помнить прежде всего. Злодѣйства, проявленныя нашимъ врагомъ, уже ясно показали, что ожидаетъ государство, посягнувшее итти противъ требованій христіанской культуры. А кто можетъ сомнѣ-

ваться въ томъ, что нынѣ и наука уже не безучастна въ такомъ посягательствѣ,—и несомнѣнно Германіи въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ первое мѣсто. Къ великому огорченію нужно отмѣтить, что въ наукѣ не только часто проявляется безразличное отношеніе къ вопросу о томъ, стоитъ или нѣтъ тотъ или другой выводъ въ согласіи съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, но даже проявляется и стремленіе подорвать вѣру въ истинность основъ христіанскаго ученія. Мало того, въ наше время уже объявлена и война науки съ христіанствомъ [1]).

Но возвратимся къ той дикой злобѣ, которую проявили съ первыхъ же шаговъ нынѣшней войны нѣмцы по отношенію тѣхъ народовъ, которыхъ сами же вызвали на бой. Очевидно, это злоба безсилія. Нѣмцы тотчасъ же почувствовали, что въ прахъ должны разсѣяться мечты объ ихъ высшемъ положеніи и о ничтожествѣ вызванныхъ ими на борьбу народовъ. Гдѣ же однако источникъ этихъ мечтаній и почему такъ охотно стали исполнять нѣмцы приказъ своего полнаго ничтожныхъ побужденій повелителя „не щадить ничего“? Увы! Германія уже давно впала въ богоборство. Вильгельмъ и его войска томятся той же жаждой, которой томился и Ницше.

„Я жажду“, говорилъ уже десятки лѣтъ тому назадъ этотъ безумецъ, „создать новый порядокъ: союзъ высшихъ людей, у которыхъ могли бы находить поученіе угнетенные духъ и совѣсть, которые подобно мнѣ не только умѣли бы жить внѣ политическихъ и религіозныхъ вѣроученій, но и умѣли бы побѣждать требованія морали“.

Такъ говорилъ въ зрѣломъ возрастѣ Ницше, съ юныхъ лѣтъ преданный идеалу: „человѣчество должно имѣть своей первой заботой—взрастить великихъ людей“ [2]). По свидѣтель-

---

[1]) Нынѣ, когда отпаденіе отъ основъ христіанской культуры уже открыто проявлено германскимъ правительствомъ, никого не должно болѣе удивлять, что въ Германіи невозбранно функціонируетъ „Союзъ монистовъ“ (съ профессоромъ Геккелемъ во главѣ), ставящій своей задачей борьбу науки съ христіанствомъ.

[2]) Отказавшись отъ морали и ведя злобную войну съ христіанствомъ, Ницше, какъ уже отмѣчено, проповѣдуя своихъ „высшихъ“ людей, своего „сверхчеловѣка“, на самомъ дѣлѣ проповѣдывалъ „сверхнегодяйство“, въ омутъ котораго и бросились нынѣ войска нашихъ враговъ съ своимъ повелителемъ во главѣ.

ству боготворившей своего обезумѣвшаго въ его антихристіанствѣ брата сестры Ницше, онъ смотрѣлъ „съ справедливой гордостью на германскій офицерскій корпусъ и на германскій чиновничій міръ“ и, прибавимъ отъ себя, очевидно, полагалъ въ своемъ обольщеніи, что, именно, Германія дастъ міру тотъ союзъ высшихъ людей, преклониться предъ авторитетомъ которыхъ должны были бы почитать за благо менѣе одаренные народы. Нѣмецкое самообольщеніе (способностью сверхнегодяйства!) сквозитъ у Ницше повсюду. Вѣдь говоритъ же онъ открыто, что германскіе ученые, врачи, учителя, обладающіе по его мнѣнію безпримѣрными достоинствами, характеризуются, между прочимъ, тѣмъ качествомъ, что „не прикидываютъ на вѣсахъ мелочной лавки,—что дозволено и что недозволено“.

Мы видимъ теперь воочію всю мерзость тевтонскаго самообольщенія. Гдѣ же его истинный источникъ? Повторяемъ, для христіанина дѣло вполнѣ ясно: предъ нами отображеніе первороднаго грѣха. Ницше и его послѣдователи (каковыхъ, очевидно, въ Германіи множество—отъ мала до велика) одновременно и преступаютъ велѣніе слова Божія (для нихъ нѣтъ различія между дозволеннымъ и недозволеннымъ) и, преступивъ его, сами себя обоготворяютъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ этого у Ницше было то, что онъ не только не скрывалъ своего антихристіанства (какъ и монисты съ Геккелемъ во главѣ), но и шелъ прямо на поруганіе его. Съ этой цѣлью написана его книга *Антихристъ, опытъ критики христіанства*. Какъ легко себѣ представить, никакой критики въ этой книгѣ нѣтъ: она наполнена лишь указаніями на то, какую помѣху представляетъ христіанство идеѣ „сверхчеловѣка“, въ смыслѣ ницшеанства, т. е. идеи полной разнузданности того, кто жаждетъ власти сильнаго надъ окружающими, иначе говоря—не лишнимъ считаемъ повторитъ—идеи сверхнегодяйства.

„Что вреднѣе всякаго порока?“—спрашиваетъ богоборствующій Ницше и, полный тупой злобы противъ Христа, отвѣчаетъ: „состраданіе къ обездоленнымъ и слабымъ—христіанство“.

„Состраданіе—потеря силы!“—восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ богохульствующій писатель и тѣмъ какъ бы впередъ поощряетъ всѣ тѣ преступленія, которыя уже несмываемымъ

позоромъ покрыли германскія войска съ самаго начала настоящей войны.

Неудивительно, конечно, что сознаніе этой помѣхи къ осуществленію провозглашаемаго Ницше служенія грѣху приводитъ безумца къ тевтонской ярости противъ Христа и Его Церкви. Въ удовлетвореніе этой безсильной злобы послѣдній (62) параграфъ своей книги Ницше наполняетъ уже прямымъ ругательствомъ и доходитъ при этомъ до явнаго безсмыслія: служителей идеала святости называетъ кровопійцами и т. п.

Въ порывѣ своей безумной злобы Ницше восклицаетъ: „Я осуждаю христіанство, я предъявляю Церкви обвиненіе страшнѣе всякаго обвиненія, когда-либо исходившаго изъ устъ... я признаю христіанство проклятіемъ... несмываемымъ позоромъ человѣчества“.

Среди этого безсмысленнаго ругательства мы находимъ у Ницше и обвиненіе христіанства въ томъ, что оно, проповѣдуя неземное, приводитъ къ отрицанію всякой естественности. Жалкій безумецъ! Если бы онъ дожилъ до нашихъ дней, то удостовѣрился бы, какъ естественно чувство негодованія къ тому трусливому предательству, діавольской злобѣ и издѣвательству, которыя проявлены германскими войсками и которыя только и возможны для человѣка съ отупѣвшей отъ безвѣрія совѣстью.

Уже и сказаннаго выше достаточно, чтобы видѣть, что ницшеанство есть не что иное какъ походъ противъ христіанства. Нерѣдко приходится слышать голоса, что Ницше съ своимъ ученіемъ—исключительное, уродливое явленіе и т. п. Однако же, одинъ фактъ широкаго распространенія его писаній долженъ былъ бы заставить насъ задуматься и поискать причины успѣха этихъ писаній.

Въ параграфѣ 14 его *Антихриста* читаемъ:

„Мы переучились. Мы во всѣхъ отношеніяхъ стали скромнѣй. Мы уже не признаемъ „духовнаго“ и „божественнаго“ происхожденія человѣка, мы опредѣлили ему мѣсто среди животныхъ. Для насъ человѣкъ только наиболѣе сильное животное: человѣкъ наиболѣе хитрое животное; вотъ каково происхожденіе его духовной природы“.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Ницше, писавшій это въ періодъ наибольшаго расцвѣта дарвинизма въ Гер-

маніи, былъ увѣренъ, что онъ опирается въ своемъ сужденіи о человѣкѣ на строго установленныя научныя данныя. Быть можетъ онъ прямо былъ вдохновленъ этимъ эволюціоннымъ ученіемъ, согласно которому міръ живыхъ существъ во всемъ его разнообразіи, со всѣми своими степенями совершенства, — съ человѣкомъ во главѣ, — не былъ созданъ, а развился самъ собою (вѣдь Дарвинъ говорилъ, что Творцомъ былъ созданъ только первый зачатокъ жизни) и что главнымъ побудителемъ (факторомъ) этого развитія была борьба за существованіе, въ которой, по словамъ того же Дарвина, „сильный, здоровый и счастливый одолѣваетъ и размножается" [1]).

Эта несомнѣнность родственной связи безумной проповѣди Ницше съ модной для его времени научной теоріей, силившейся отстаивать животное происхожденіе человѣка, конечно, должна была бы служить хорошимъ предупрежденіемъ для научныхъ дѣятелей, обращающихъ (быть можетъ иногда и не вполнѣ сознательно) науку въ орудіе борьбы съ христіанствомъ и должна была бы пролить яркій свѣтъ на то положеніе, которое они создаютъ себѣ этимъ въ міровой исторіи.

Нравственное паденіе Германіи у насъ передъ глазами. Возможно ли, однако, допустить, чтобы паденіе это произошло въ какіе-нибудь 3—4 десятка лѣтъ или чтобы германскій народъ уже по своей природѣ былъ неспособенъ къ воспріятію идеаловъ христіанской культуры. Конечно, нѣтъ. Своимъ паденіемъ Германія именно обязана давно уже начавшему въ ней возрастать антихристіанству, и несомнѣнно, что и всякій другой народъ, который захочетъ пойти по этому пути, придетъ къ подобному же паденію. Германія, возмечтавшая завоевать себѣ земное благополучіе путемъ отказа отъ христіанской морали, вздумавшая стать выше ученія Христа, пошла по тому же пути, по которому почти уже двадцать вѣковъ идетъ еврейство, отвергшее Христа, жаждущее разрушенія Его Церкви и подчиненія себѣ всѣхъ народовъ міра. Германія не захотѣла образумиться этимъ примѣромъ и пошла по пути неизбѣжнаго паденія всякаго врага Христа.

---

[1]) Origin of species (1897), 57.

Трагедія настоящей войны еще разъ напоминаетъ намъ о тщетѣ земного благополучія, пріобрѣтаемаго путемъ отказа отъ требованій христіанскаго долга. Не бороться съ христіанствомъ, а охранять христіанское настроеніе души отъ всякаго грѣховнаго соблазна—вотъ что должны всѣ мы считать нашимъ первымъ долгомъ, и совершенствоваться въ исполненіи этого долга—вотъ что должны мы были бы считать истиннымъ прогрессомъ. Въ частности, какъ много могла бы здѣсь сдѣлать наука! Великое горе для человѣчества именно составляетъ то, что значительное число дѣятелей науки такъ не думаютъ. Еще хуже то, что въ наше время нѣтъ недостатка въ ученыхъ, которые обращаются къ массамъ уже прямо съ проповѣдью антихристіанства.

Хорошо извѣстна въ этомъ отношеніи дѣятельность яраго дарвиниста Германіи профессора Геккеля. Онъ ведетъ открытую борьбу съ христіанствомъ въ своихъ твореніяхъ, назначенныхъ для толпы, и въ своемъ озлобленіи къ нему тоже не знаетъ никакой мѣры. Правда, нѣкоторые изъ германскихъ ученыхъ весьма нелестно отзываются объ этой дѣятельности Геккеля. Философъ Паульсенъ говоритъ, что *Міровыя Загадки* Геккеля—позоръ для германской ученой литературы. Палеонтологъ Бранка ставитъ Геккелю въ вину, что онъ угодничаетъ передъ самыми низкими инстинктами толпы. Однако же порицатели Геккеля, и въ томъ числѣ Бранка, во многомъ раздѣляютъ антихристіанскія воззрѣнія іенскаго профессора зоологіи. Приходится при этомъ отмѣтить, что нѣтъ недостатка въ ученыхъ съ именемъ, которые даже готовы радоваться монистической проповѣди Геккеля. Таковы въ дѣйствительности всѣ правовѣрные дарвинисты [1]), каковъ, напримѣръ, одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, проф. Тимирязевъ, восхваляющій Геккеля за то, что онъ остался вѣренъ „идеаламъ своей молодости“ (т. е. остался въ дѣйствительности вѣренъ невѣжественному матеріализму 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, съ чѣмъ такъ хорошо, замѣтимъ, гармонировалъ и дарвинизмъ). Нисколько неудивительно, конечно, что и другой нашъ соотечественникъ, Мечниковъ, объявившій человѣка „выродкомъ обезьяны“, съ

[1]) Не нужно забывать, что самъ Дарвинъ преклонялся предъ этой „мудростью“ Геккеля.

удовольствіемъ подчеркиваетъ въ своемъ *Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія*, что *Міровыя Загадки* успѣли уже разойтись въ милліонахъ экземпляровъ [1]).

Посмотримъ же поближе, что можетъ радовать нашихъ соотечественныхъ дарвинистовъ въ пропагандѣ Геккеля, могущей по ихъ словамъ утѣшать германскаго рабочаго.

Вотъ что мы читаемъ, между прочимъ, на стр. 359 *Міровыхъ Загадокъ* [2]), гдѣ Геккель призываетъ науку къ борьбѣ съ христіанствомъ и государственной властью:

„Мы должны ясно подчеркнуть, что здѣсь идетъ рѣчь о необходимой защитѣ науки и разума противъ яраго нападенія христіанской церкви и его сильнаго воинства, а вовсе не о неосновательномъ будто бы нападеніи первыхъ на послѣднія... Естествоиспытатели и другіе ученые часто высказываютъ тотъ взглядъ, что католическое суевѣріе [3]) не хуже другихъ формъ сверхъестественной вѣры и что всѣ эти ложныя формы вѣры являются въ одинаковой степени врагами разума и науки... Въ согласіи съ этимъ стоятъ и усилія многихъ свѣтскихъ властей прійти въ возможно лучшія отношенія съ духовнымъ воинствомъ—своимъ естественнымъ врагомъ, подъ иго котораго онѣ такимъ образомъ сами отдаются; общая цѣль, предносящаяся при этомъ обоимъ союзникамъ,—подавленіе свободы мысли и научныхъ изысканій, дабы этимъ путемъ обезпечить себѣ неограниченное господство“.

Говоря такъ, Геккель вступаетъ въ союзъ какъ съ проповѣдникомъ „сверхнегодяйства“ Ницше, такъ и соціалъ-демократами, провозгласившими, что „борьба съ христіанскою церковью, которая является господствующей организаціей въ рукахъ государственной власти, тоже стало дѣломъ пар-

---

[1]) По этому поводу тотъ же профессоръ Тимирязевъ (Вѣст. Европы, 1913, I) высказываетъ мысль, что *Міровыя Загадки* утѣшаютъ германскаго рабочаго. Можетъ быть почтенный профессоръ и правъ, можетъ быть распропогандированная толпа германскихъ рабочихъ находитъ здѣсь утѣшеніе, но не похоже ли оно на утѣшеніе пьяницы водкой?

[2]) Welträthsel (1905).

[3]) Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о христіанствѣ вообще. Любопытна уступка, которую Геккель дѣлаетъ въ данномъ случаѣ протестантизму; онъ говоритъ: „либеральный протестантизмъ, наоборотъ, всегда все болѣе склонялся къ монистическому пантеизму“ (ibid. 372). Вспомнимъ, что Ницше называлъ протестантизмъ полуискалѣченнымъ христіанствомъ.

тіи, такъ какъ тотъ, кто борется съ верховной властью, долженъ стараться побороть и то, въ чемъ ея сила, въ данномъ случаѣ—церковь".

Вотъ слѣдовательно въ союзѣ съ кѣмъ проповѣдуетъ массамъ германскій дарвинистъ. Нашъ отечественный правовѣрный дарвинистъ увлеченъ еще дальше. „Вселенскій клерикализмъ", говоритъ профессоръ Тимирязевъ, „повсюду вооружается въ надеждѣ вернуть себѣ утраченную власть, и, конечно, главнымъ препятствіемъ на его пути является наука" [1]). Почтенный авторъ, какъ сейчасъ сказано, увлеченъ еще дальше: онъ уже беретъ подъ свою защиту анархизмъ и говоритъ прямо его языкомъ (анархисты, какъ извѣстно, называютъ свои убійства „казнью", а казнь по приговору государственнаго суда—„убійствомъ"). „Неужели"—восклицаетъ проф. Тимирязевъ, „у людей такъ коротка память, что они забыли совершенное на глазахъ всего міра злодѣйское убійство Фереры. А что творится въ Бельгіи?" Да, мы знаемъ, какъ нужно намъ отвѣтить на этотъ вопросъ, поставленный авторомъ по поводу слуховъ о какой то недозволенной выходкѣ въ циркѣ. Отвѣтъ этотъ будетъ таковъ: въ Бельгіи преданное Христу населеніе и духовныя лица подвергаются позору и мученіямъ вплоть до убійства варварами, возросшими въ міровоззрѣніи проповѣдника сверхнегодяйства Ницше, сходившагося въ своемъ взглядѣ на христіанство съ Геккелемъ и его послѣдователями, поставившими своей задачей прививать подъ покровомъ ученаго авторитета невѣжественнымъ массамъ антихристіанство.

Будемъ, однако, справедливы. Эта категорія ученыхъ (Геккель и его ученые союзники) не всегда сознательно злонамѣренны въ своей антихристіанской проповѣди. Большинство изъ нихъ, будучи то болѣе, то менѣе даровитыми спеціалистами, сплошь и рядомъ невѣжественны не только въ философіи, но и въ другихъ наукахъ, помимо своей спеціальности.

Знакомясь съ ихъ неотразимыми, по ихъ словамъ, доводами въ пользу того, будто „современная наука ниспровергла христіанство", прямо поражаешься наивной ненаучностью ихъ сужденія.

---

[1]) Вѣстникъ Европы. 1914, № 2.

Видимо со взглядомъ, мысленно устремленнымъ на толпу, готовую трепетать, хотя бы и передъ пошлымъ, но бойкимъ словомъ, Геккель, говоря въ своихъ *Мiровыхъ Загадкахъ* о пантеизмѣ, восклицаетъ:

„Богъ и мiръ—одно и тоже. Понятiе о Богѣ совпадаетъ съ понятiемъ о природѣ или субстанцiи", и затѣмъ добавляетъ: „только этотъ послѣднiй взглядъ совмѣстимъ съ тѣмъ высшимъ закономъ природы, открытiе котораго является однимъ изъ величайшихъ трiумфовъ 19 столѣтiя, съ закономъ субстанцiи. Вотъ почему пантеизмъ необходимымъ образомъ является мiровоззрѣнiемъ нашего современнаго естествознанiя".

Подъ „закономъ субстанцiи" здѣсь подразумѣвается Геккелемъ такъ наз. законъ сохраненiя матерiи и энергiи, или постоянства мiрового запаса матерiи и энергiи. Провозглашая этотъ воображаемый трiумфъ матерiалистическаго воззрѣнiя на природу надъ христiанскимъ мiровоззрѣнiемъ, Геккель въ сущности остается вѣренъ невѣжеству матерiалистовъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтiя. Вопреки успѣхамъ физики въ послѣднiе годы 19 столѣтiя и въ текущемъ столѣтiи Геккель, или по собственному невѣжеству, или, въ противномъ случаѣ, разсчитывая на невѣжество читателя, продолжаетъ и въ наши дни проповѣдывать о некрушимости матерiи. Проповѣднику матерiализма это нужно, конечно, чтобы создать своего рода миражъ—убѣдить толпу, будто бы наука безповоротно доказала, что то, что представляется намъ веществомъ (матерiей), не создано Богомъ и не можетъ имѣть своего конца. Однако же, какъ извѣстно, повторяю, физика, вооруженная опытомъ современной научной техники, смотритъ на дѣло иначе и имѣетъ полное правое уличить Геккеля или въ невѣжествѣ, или во лжи. Вотъ что говоритъ поэтому одинъ изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ физиковъ:

„Говорить, какъ это дѣлаетъ профессоръ Геккель, что современный физикъ такъ привыкъ къ идеѣ сохраненiя матерiи, что является неспособнымъ понимать противное—просто ложь" [1]).

Уже сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что то, что Гек-

---

[1]) *Оливеръ Лоджъ.* Жизнь и матерiя, русск. перев. (1908 г.), 33.

кель называетъ тріумфомъ науки 19 столѣтія, оказывается на самомъ дѣлѣ невѣрнымъ утвержденіемъ. Некрушимость будто бы матеріи есть не что иное въ дѣйствительности, какъ „научное суевѣріе“. Таковымъ является, конечно, и матеріалистическое міровоззрѣніе во всей его совокупности.

Позволю себѣ здѣсь привести сказанное мною въ другомъ мѣстѣ по поводу такъ недавно еще „научно“ утверждавшейся некрушимости будто бы матеріи и энергіи:

„Можемъ ли мы считать научно доказаннымъ вѣчность матеріи и энергіи, или можно ли, если бы мы того захотѣли, хоть по крайней мѣрѣ вѣрить въ эту вѣчность матеріи и энергіи? Скажемъ впередъ, коротко: нѣтъ; современная химія и физика не имѣютъ уже къ тому основанія.

„Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ слова одного извѣстнаго французскаго ученаго, посвятившаго въ послѣднее время много труда и времени для постановки опытовъ, доказывающихъ крушимость матеріи и энергіи, ученаго, къ сожалѣнію не сохранившаго полноты истинной вѣры, но въ то же время своими изслѣдованіями принесшаго большую пользу тѣмъ, что содѣйствовалъ опроверженію антихристіанскаго, какъ указано выше, ученія о некрушимости будто бы матеріи и энергіи (ученія, уже приведшаго было къ признанію безусловной будто бы вѣрности такъ наз. закона вѣчности матеріи и энергіи). Ученый, о которомъ мы здѣсь говоримъ,—Г. Лебонъ. Вотъ, между прочимъ, что онъ говоритъ въ своей хорошо извѣстной книгѣ *Развитіе силъ*: „энергія не несокрушима; она растрачивается непрестанно и идетъ къ исчезновенію, какъ и матерія, которая представляетъ собою одинъ изъ видовъ энергіи“ (стр. 101 франц. изд.). Въ другомъ мѣстѣ той же книги читаемъ: „тѣла природы построены изъ соединенія атомовъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ совокупности частичекъ, находящихся во вращеніи, являющихъ собою, вѣроятно, вихри міровего эфира“ (стр. 80, тамъ же). Далѣе тотъ же авторъ присовокупляетъ, что эти вихри могутъ порождать тѣ формы энергіи, которыя мы называемъ свѣтомъ, электричествомъ и т. д. Эти атомы тѣлъ природы, порождая свѣтовыя, тепловыя и др. колебанія, мало по малу развеществляются (перестаютъ быть веществомъ), постепенно превращаясь въ энергію; а порождаемая этимъ путемъ энергія понемногу растрачивается и

исчезаетъ въ міровомъ эфирѣ, какъ исчезаетъ въ океанѣ успокоившееся волненіе [1]).

Итакъ, нынѣ, вмѣсто того, чтобы говорить, что матерія и энергія некрушимы (что запасъ ихъ въ природѣ постояненъ), мы должны уже говорить, что матерія можетъ исчезнуть, перейдя въ энергію, а энергія можетъ обезцѣниться, т. е. безслѣдно исчезнуть въ міровомъ эфирѣ. Что же касается послѣдняго, то здѣсь полезно вспомнить замѣчаніе одного изъ современныхъ физиковъ (Л. Пуанкаре): „физикъ еще не можетъ отвѣтить на вопросъ, который ему часто ставитъ философія—существуетъ ли міровой эфиръ въ дѣйствительности“ [2]).

Изъ указаннаго ясно, какую цѣну должны мы придать научнымъ будто бы доказательствамъ Геккеля о необходимости отказаться отъ вѣры въ Творца, создавшаго міръ изъ ничего,—и послѣдовать ученію еврея Спинозы о вѣчной (мыслящей и протяженной) субстанціи. Замыслъ Геккеля ясенъ: прикрываясь авторитетомъ учености, склонить невѣжественныя массы къ матеріалистическому міровоззрѣнію. При этомъ іенскій профессоръ полагаетъ, что для достиженія этой цѣли всѣ средства хороши; вотъ почему онъ и не стѣсняется выдавать недоказанное вовсе за доказанное безусловно и, такимъ образомъ, ясно обнаруживаетъ ту „добродѣтель“, которую Ницще приписываетъ своимъ ученымъ соотечественникамъ—не справляться съ совѣстью, что дозволено и чего не дозволено.

Что при этомъ у Геккеля постоянно обнаруживается и собственное невѣжество—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Нужно помнить, что атеизмъ (въ христіанскомъ смыслѣ этого слова) всегда труслив и атеистъ боится углубляться въ вопросы, которые могли бы поколебать его вѣру въ спасительность для него безвѣрія. Вотъ почему атеистъ охотно пребываетъ въ невѣжествѣ тамъ, гдѣ у него могло бы достать силъ и способностей пріобрѣсти необходимое для правильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ знаніе.

Что же удивительнаго, что Геккель доходитъ до самаго нелѣпаго смѣшенія понятій, касаясь „вопросовъ, стоящихъ

---

[1]) А. *Тихомировъ,* Созданіе жизни на землѣ (1913), 42—43.

[2]) L. Poincaré, La physique moderne (1909), 197.

на границѣ непознаваемаго". Вопросы эти, какъ справедливо говоритъ Таннери [1]), „наука только ставитъ, не будучи увѣренной въ возможности когда-либо ихъ рѣшить". Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ, безспорно, и вопросъ о томъ, что такое сознаніе.

Для невѣжественнаго въ философіи и въ то же время не стѣсняющагося въ дѣлѣ злоупотребленія своимъ профессорскимъ авторитетомъ предъ недостаточно освѣдомленнымъ читателемъ Геккеля здѣсь нѣтъ сомнѣній. И вотъ, въ то время какъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся физіологовъ, недавно умершій Э. Дюбуа Реймонъ отвѣтилъ прямо, что физіологія, какъ опытная наука безсильна рѣшить вопросъ о томъ, что такое сознаніе, Геккель самъ, не будучи физіологсмъ, не стѣсняясь заявляетъ: „Сознаніе. ни болѣе, ни менѣе, чѣмъ всякая другая душевная дѣятельность, есть явленіе матеріальной природы и, какъ таковое, наравнѣ съ другими естественными явленіями, подлежитъ закону субстанціи" [2]).

Это утвержденіе—напрасно ожидалъ бы читатель отъ Геккеля здѣсь какихъ-либо доказательствъ—вытекаетъ изъ его взгляда на душевную дѣятельность. Взглядъ же этотъ формулируется авторомъ *Міровыхъ Загадокъ* (гл. VI) такъ:

„По моему убѣжденію, то, что называется душей, есть въ дѣйствительности явленіе матеріальной природы; поэтому я считаю психологію отраслью естествознанія, а, именно, физіологіи".

Какъ видимъ, вся сила доказательствъ въ данномъ случаѣ сводится лишь къ тому, что самъ Геккель увѣренъ въ правотѣ своего убѣжденія. Какое же можетъ быть, однако, сомнѣніе въ томъ, что убѣжденіе это ошибочно! Не нужно даже быть ученымъ естествоиспытателемъ, чтобы понять, что такія науки сами по себѣ, какъ анатомія, или ученіе о строеніи тѣла живыхъ существъ вообще, гистологія, или ученіе о микроскопическомъ строеніи частей этого тѣла, эмбріологія, или ученіе о развитіи живыхъ существъ, и, наконецъ, физіологія, или ученіе объ отправленіяхъ тѣла живыхъ су-

---

[1]) *Т. Таннери*, Первые шаги древне-греческой науки, русск. перев. (1902 г.), 107.

[2]) Welträthsel, 197.

ществъ, могутъ намъ разъяснить только самый порядокъ смѣны жизненныхъ явленій, не болѣе. Не трудно понять также, что съ ходомъ дальнѣйшаго развитія этихъ наукъ мы получимъ возможность проникнуть глубже въ частности этого порядка, но все же не можемъ имѣть никакой надежды постигнуть съ помощью этихъ наукъ когда-либо самую сущность жизни и то, что мы понимаемъ въ ней подъ именемъ сознанія. Совершенно иначе, повторяемъ, смотритъ на это Геккель (и его послѣдователи монисты). Вотъ что мы читаемъ въ указанномъ мѣстѣ его книжки:

„Объ этихъ необходимыхъ основахъ" (даннымъ по анатоміи, гистологіи, эмбріологіи и физіологіи) „..... большинство такъ наз. психологовъ или не имѣютъ вовсе никакихъ свѣдѣній, или имѣютъ ихъ очень мало..... Тѣмъ и объясняется, что большая часть громадной литературы по психологіи представляетъ собою нынѣ неимѣющую никакой цѣны макулатуру".

Нѣтъ сомнѣнія, что это рѣчь невѣжественнаго матеріализма, не болѣе. Клеймя большинство психологовъ какъ авторовъ никуда негоднаго будто бы печатнаго хлама, Геккель здѣсь же (стр. 259) пускается въ сужденіе о томъ, что „уже атомамъ присущи въ простѣйшей формѣ ощущеніе и воля, или правильнѣе говоря, чувствованіе и стремленіе". Здѣсь мнящій себя высокообразованнымъ іенскій профессоръ, очевидно, говоритъ объ атомахъ какъ о малѣйшихъ матеріальныхъ величинахъ: онъ не удосужился еще ознакомиться съ ученіемъ современной физики объ атомахъ, какъ совокупности электроновъ и т. д. Онъ и здѣсь, очевидно, „остался вѣренъ идеаламъ своей юности" (60-хъ годовъ прошлаго столѣтія).

Геккель и Ницше—вотъ характерные „геніи" Германіи нашего времени, поставившіе своей задачей проповѣдь антихристіанства. Неудивительно, повторяемъ, что они нашли много читателей въ невѣжественныхъ массахъ своего отечества, настроеніе которыхъ такъ ярко сказалось въ поведеніи войскъ враждующихъ съ нами народовъ. Паденіе Германіи, какъ націи, стоитъ теперь передъ глазами всего міра, который она удивила своей безпредѣльной ложью, предательствомъ и прямо безсмысленной злобой. Очевидно, антихристіанство сдѣлало здѣсь свое дѣло.

Не поучителенъ ли этотъ примѣръ и для другихъ народовъ? Наступила—и наступила, къ сожалѣнію, уже давно пора и другимъ народамъ, а въ томъ числѣ и намъ русскимъ—осмотрѣться въ этомъ дѣлѣ. Ядъ антихристіанства проникаетъ понемногу во всѣ сферы и въ данное время едва ли не всего болѣе отравляетъ ученый міръ и тѣмъ, конечно, готовитъ величайшую опасность—убѣжденіе невѣжественныхъ массъ, что наука и христіанство—два враждующихъ между собою борца.

Какъ бы это ни показалось печально, но приходится признать, что за послѣднія десятилѣтія европейская наука въ лицѣ многихъ своихъ представителей стала проявлять равнодушіе къ истинѣ—во имя и на пользу антихристіанства. Только этимъ, конечно, и можно объяснить успѣхъ теорій, даже грубо ошибочныхъ, если не сказать прямо лживыхъ, но идущихъ на пользу антихристіанства. Къ сожалѣнію, въ этомъ виновна не только германская наука.

Кто въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, какой, можно прямо сказать, почтительной научной славой пользовался дарвинизмъ многіе десятки лѣтъ, а между тѣмъ ученіе это, съ одной стороны, по полной своей необоснованности, не заслуживало бы даже названія научной теоріи, и, съ другой, хотя и не всегда явно, но всетаки несомнѣнно, пытается поколебать основы христіанскаго міровоззрѣнія. Уже въ цѣломъ рядѣ изданій [1]) касался я этого вопроса, и это избавляетъ меня отъ необходимости возвращаться здѣсь къ подробному критическому разбору отдѣльныхъ положеній названнаго ученія. Считаю, однако, полезнымъ напомнить читателю хоть нѣсколько примѣровъ явной непослѣдовательности ученія Дарвина и явной лжи, [2]) къ которой онъ долженъ былъ прибѣгать, чтобы сохранить хоть кажущуюся обоснованность своей „теоріи“. Попутно буду указывать и на ея антихристіанство.

---

[1]) Судьба дарвинизма, Вина науки, Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ и др.

[2]) Указать на это необходимо, такъ какъ послѣдователи Дарвина любятъ провозглашать его безпристрастіе и самъ онъ увѣрялъ въ своихъ сочиненіяхъ читателя въ полной добросовѣстности (accuracy) своего сужденія.

Какъ извѣстно, Дарвинъ назвалъ сочиненіе, въ которомъ изложилъ основы своего ученія, впослѣдствіи получившаго названіе *дарвинизма*,—„Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго отбора, или сохраненія видоизмѣненій, счастливо одаренныхъ въ борьбѣ за жизнь“.

Это длинное названіе представляетъ собою основное положеніе дарвинизма. Въ противоположность христіанскому міровоззрѣнію, по которому все создано и все совершается по Промыслу Божію, дарвинизмъ утверждаетъ, что Творецъ вдохнулъ жизнь съ ея разнообразными свойствами только въ немногія формы, а, можетъ быть,—даже всего въ одну, а что затѣмъ „изъ этого простого зачатка развивались и развились въ высшей степени прекрасныя и удивительныя формы“.

Казалось бы, что мыслитель, говорящій, что Творецъ вдохнулъ въ міръ „жизнь со всѣми ея разнообразными свойствами“, долженъ былъ бы утверждать, что, если міръ живыхъ существъ развивался шагъ за шагомъ и что постепенно изъ формъ низшей организаціи развивались формы высшей организаціи [1]), какъ это думалъ Дарвинъ, то—все это совершилось, именно, по предопредѣленію Творца (способность измѣнчивости и эволюціи. изъ нея вытекающей, какъ слѣдствіе, казалось бы именно и входятъ въ составъ понятія „жизнь со всѣми ея разнообразными свойствами“), предустановившаго и самый путь эволюціи міра живыхъ существъ. Однако же вѣрный своему антихристіанскому міровоззрѣнію Дарвинъ утверждалъ совсѣмъ иное: онъ отрицалъ въ эволюціи живыхъ формъ всякое предустановленіе, отстаивалъ, именно, случайность этой эволюціи.

Какъ извѣстно, путь этой случайной эволюціи по воззрѣнію Дарвина былъ таковъ:

Всѣ живыя существа будто бы обладаютъ способностью безконечной измѣнчивости своихъ признаковъ (за эту „безконечную“ измѣнчивость Дарвинъ принялъ уклоненія отъ

---

[1]) Замѣтимъ, что наука не имѣетъ въ дѣйствительности права это утверждать: геологіей удостовѣрено лишь, что въ разные періоды земли на ней были разные обитатели и что позднѣйшимъ періодамъ соотвѣтствуютъ формы болѣе высокой организаціи; при чемъ, однако, формы низкой организаціи, какъ были въ раннихъ періодахъ, такъ остаются и до нынѣ.

средней величины въ признакахъ; была ли это просто грубая ошибка сужденія—рѣшить трудно); тѣ измѣненія, которыя были полезны въ борьбѣ за жизнь между живыми существами, давали имъ побѣду, т. е. содѣйствовали наибольшему размноженію обладателей этими измѣненіями; такимъ путемъ происходилъ постепенно отборъ наиболѣе совершенно приспособленныхъ къ жизни формъ. Это и было названо Дарвиномъ „естественнымъ отборомъ", который будто и привелъ міръ живыхъ существъ ко всему его разнообразію и великолѣпію. Такимъ образомъ, эволюція живыхъ формъ совершилась путемъ естественнаго отбора.

Несомнѣнно, что такой взглядъ на эволюцію представляется по существу нелѣпымъ. Не говоря уже о томъ, что никто не видитъ живыхъ существъ, недостаточно приспособленныхъ къ жизни (кромѣ случайныхъ уродствъ), нельзя себѣ представить, почему большее приспособленіе къ даннымъ условіямъ жизни могло привести къ повышенію организаціи [1]).

Такимъ образомъ, въ основѣ ученія Дарвина лежитъ не только біологически ошибочное, но даже съ философской точки зрѣнія непріемлемое предположеніе. А между тѣмъ, по собственному свидѣтельству основателя дарвинизма, все его сочиненіе Origin of species (Происхожденіе видовъ и, прибавимъ отъ себя, всѣ его дальнѣйшія сочиненія) было ничѣмъ какъ „длиннымъ подборомъ доказательствъ" [2]) этого предположенія, т. е. предположенія прямо непріемлемаго.

Нечего и говорить, конечно, что, отстаивая свое логически непріемлемое предположеніе, Дарвинъ воевалъ съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, по которому Творецъ не только Создатель, но и Устроитель міра.

Въ дѣйствительности у Дарвина не было (да, какъ сказано, и не могло быть!) никакихъ доказательствъ въ пользу предположенія о происхожденіи формъ высшей организаціи изъ формъ низшей организаціи и, въ частности,—къ чему и стремилась въ концѣ концовъ вся „теорія"—о происхожденіи человѣка отъ животнаго. Едва ли можно допустить мысль, что основатель дарвинизма этого не сознавалъ. Если

---

[1]) Ср. *H. Bergson*, L'évolution creatrice (1911), 111.

[2]) Конечно, только кажущихся.

бы этого не было, мы не могли бы себѣ ничѣмъ объяснить самыя грубыя противорѣчія, въ которыя онъ постоянно впадалъ, и ту прямую ложь, которой онъ не гнушался въ своихъ сочиненіяхъ, предназначенныхъ не такъ для ученыхъ спеціалистовъ, какъ для широкихъ круговъ читателей.

Всякій, кто хотя бы поверхностно знакомъ съ ученіемъ Дарвина, не можетъ не знать, что вся его трудовая энергія была направлена къ тому, чтобы внѣдрить въ умы этихъ широкихъ круговъ тотъ взглядъ, повторяемъ, что живой міръ разнообразіемъ своихъ формъ и ихъ высокой организаціей обязанъ не Промыслу Божію, а механически дѣйствовавшему въ результатѣ борьбы за жизнь естественному отбору.

Однако же въ концѣ введенія въ свое основное сочиненіе *Происхожденіе видовъ*, тотъ же Дарвинъ дѣлаетъ оговорку, которая въ сущности ниспровергаетъ самое основаніе его ученія, ибо говоритъ: „естественный отборъ былъ, если не единственнымъ, то самымъ важнымъ факторомъ“ эволюціи. Какъ ни губительна для всего ученія такая, какъ бы вскользь сдѣланная оговорка, Дарвинъ шелъ и еще далѣе. На стр. 67 анг. изд. 1897 г. своей книги онъ указываетъ:

„Мало можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что стремленіе, принятое въ одномъ и томъ же направленіи, часто было столь сильно, что всѣ особи одного и того же вида измѣнялись одинаково безъ какого бы то ни было отбора“.

Основатель дарвинизма закрывалъ глаза на то, что эволюція путемъ механически дѣйствующаго фактора и эволюція въ результатѣ невѣдомаго происхожденія стремленія (измѣненій въ одномъ и томъ же направленіи) несовмѣстимы [1]).

Не имѣя подъ руками никакихъ фактическихъ данныхъ, которыя давали бы ему право утверждать, что виды живыхъ существъ произошли путемъ естественнаго отбора, Дарвинъ пытался доказать вѣрность своего взгляда—основательность своего предположенія—уподобленіемъ происхожденія дикихъ видовъ выведенію человѣкомъ въ своемъ

[1]) Вотъ почему авторъ *Философіи безсознательнаго* (Гартманъ) и авторъ *Творящей эволюціи* (Бергсонъ) признаютъ только одинъ фактъ эволюціи: первый—жизненное начало, второй—самобытное стремленіе.

хозяйствѣ породъ домашнихъ животныхъ и сортовъ разводимыхъ растеній.

Посмотримъ, какъ же смотрѣлъ на это дѣло Дарвинъ. Онъ утверждалъ, что человѣкъ пользуется безграничной будто бы измѣнчивостью разводимыхъ имъ животныхъ и растеній и, отбирая производителей съ такими измѣненіями, которыя ему нужны (доставляютъ ему пользу или удовольствіе), создаетъ постепенно новые породы и сорта. При этомъ основатель дарвинизма видимо желалъ внушить читателю, что каждая порода и каждый сортъ имѣли длинную исторію своего возникновенія (длительную эволюцію) и, именно, такую, при которой человѣкъ, говоря подлинными словами Дарвина, „отбирая измѣненія, накопляетъ ихъ въ желательномъ направленіи“.

Должно сейчасъ же указать, что Дарвинъ утверждалъ здѣсь то, чего въ дѣйствительности не видалъ и не могъ видѣть. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что говорилъ современный ему извѣстнѣйшій бельгійскій садоводъ Ванъ Монсъ въ своемъ сочиненіи (1835 г.) Arbres fruitiers ou Ponomie belge: онъ утверждалъ, что въ дѣйствительности не вывелъ ни одного сорта, и настаивалъ, что сорта создаются самой природой и — только ею самой (La nature seule crée). Знаменитый садоводъ утверждалъ, что всѣ сорта, имъ разводившіеся и пущенные въ торговлю, онъ нашелъ уже произраставшими въ дикомъ состояніи (и почти исключительно въ Арденнахъ). Тамъ же В. Монсъ утверждаетъ, что въ садахъ плоды становятся крупнѣй, болѣе мясистыми и сочными, но что различіе въ формѣ, цвѣтѣ, вкусѣ и другихъ важныхъ (характерныхъ) качествахъ даются вовсе не культурой. Особенно интересно отмѣтить здѣсь замѣчаніе В. Монсъ, что, для того, чтобы пустить въ торговлю (т. е. вывести) новый сортъ, вовсе не нужно начинать съ сѣмянъ уже культивированныхъ сортовъ; гораздо лучше остановить свой выборъ въ данномъ случаѣ хоть на плохомъ, но обладающемъ новыми особенностями, плодѣ; отмѣчаетъ при этомъ также, что часто достаточно двухъ-трехъ поколѣній, чтобы получить безукоризненный по отношенію величины и сочности плодъ новаго сорта, котораго самой природой данныя особенности не претерпѣваютъ отъ культуры никакихъ измѣненій [1]).

[1]) Ср. H. Vries, Die Mutationstheorie (1901), Bd. I. 126.

Вотъ что, слѣдовательно, говорила наука плодоводства въ то время, когда Дарвинъ развивалъ свое ученіе о созданіи породъ и сортовъ путемъ того, что онъ назвалъ „искусственнымъ отборомъ", съ помощью котораго человѣкъ будто бы творитъ эти породы и сорта, при чемъ „отбирая измѣненія, накопляетъ ихъ въ желательномъ направленіи".

Къ чему же прибѣгалъ Дарвинъ, чтобы въ противность дѣйствительности заставить читателя повѣрить, что породы и сорта „создаются" человѣкомъ путемъ длительнаго отбора производителей, проявляющихъ нужныя измѣненія своихъ признаковъ? Онъ не только умалчивалъ объ истинномъ положеніи дѣла, какъ мы это сейчасъ видѣли, но опускался до прямой лжи. Такъ въ первой главѣ своего основного сочиненія онъ говоритъ прямо: „Никто не будетъ ожидать получить первосортную сочную грушу изъ сѣмянъ дикой груши, хотя и можетъ этого добиться отъ тощаго, дико растущаго сѣянца, происходящаго отъ садоваго дерева. Хотя груша культивировалась и въ древности, но, повидимому, судя по описанію Плинія [1]) представляла собою плодъ очень низкаго качества".

Ссылаясь въ данномъ случаѣ на Плинія, Дарвинъ говорилъ прямую неправду, очевидно, желая ввести читателя въ заблужденіе—заставить подумать, будто тѣ роскошные сорта грушъ, которыми мы теперь пользуемся, возникли не въ короткое время немногихъ поколѣній, а требовали цѣлаго ряда поколѣнія, отъ времени Римской Имперіи до нашихъ дней. Нужно замѣтить при этомъ, что Дарвинъ обманывалъ [2]) здѣсь читателя самымъ грубымъ образомъ. Кто читалъ Плинія, тотъ очень хорошо знаетъ, что у него насчитывается нѣсколько десятковъ сортовъ грушъ и, судя именно по его описанію, сорта эти едва ли были менѣе роскошны, чѣмъ сорта нашего времени. Плиній передаетъ очень пышныя названія этихъ сортовъ: „царскія", „патриціанскія"

---

[1]) Еще тридцать лѣтъ тому назадъ Н. Я. Данилевскій обратилъ вниманіе на это извращеніе Дарвиномъ фактическихъ данныхъ, сообщаемыхъ по данному предмету Плиніемъ.

[2]) Дѣйствительно, или Дарвинъ сослался на Плинія, вовсе не имѣя понятія о томъ, что онъ говоритъ о данномъ предметѣ, или — еще хуже— имѣя объ этомъ понятіе, утверждалъ обратное.

и т. п., говоритъ, что нѣкоторыя груши его времени были такъ сочны, что ими можно было напиться и т. п. [1]).

Любопытно, далѣе, отмѣтить, что въ общемъ заключеніи своей книги *Прирученныя животныя и воздѣлываемыя растенія* Дарвинъ говоритъ буквально:

„Не подлежитъ сомнѣнію, что анконскія и мошановыя овцы, и по всей вѣроятности и ніатскій скотъ, такса, моська, легавая, куры, коротколицый турманъ, утки съ крючковатымъ носомъ и множество разновидностей растеній возникли въ томъ же видѣ, въ какомъ мы ихъ теперь видимъ“ [2]).

Очевидно, вполнѣ понимая, какъ губительно такое признаніе для всего ученія о естественномъ отборѣ, какъ факторѣ эволюціи, аналогичномъ искусственному отбору, Дарвинъ здѣсь же спѣшитъ прибавить:

„Обиліе этихъ примѣровъ можетъ привести къ ложному убѣжденію, что и естественные виды возникли также внезапно. Но мы не имѣемъ ни одного свидѣтельства о проявленіи въ естественномъ состояніи подобныхъ важныхъ уклоненій“ [3]).

Говоря такъ, Дарвинъ, очевидно, разсчитываетъ на неосвѣдомленность и недогадливость читателя: случаи внезапнаго перерожденія растенія даннаго дикаго вида въ новый были хорошо извѣстны, какъ задолго до рожденія самого основателя дарвинизма (земляника), такъ и во время писанія имъ того сочиненія, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь (датура).

Несмотря на такія грубыя нарушенія правды, недопустимыя, казалось бы, въ сочиненіи, которое и авторъ его, и почитатели этого автора все же выдавали за ученый трактатъ. Дарвинъ здѣсь же имѣлъ смѣлость утверждать (стр. 572), что хотя бы ему и хотѣлось смотрѣть на дѣло иначе, онъ все же долженъ признать, что именно естественный отборъ

---

[1]) Какъ извѣстно, и римская поэзія (Виргилій) отдавала должное роскошнымъ сортамъ грушъ того времени.

[2]) Русск. перев., 561.

[3]) Не лишнимъ будетъ здѣсь прибавить, что, если эти и имъ подобные случаи наблюдались прежде лишь въ опытныхъ садахъ, то нынѣ извѣстно уже много подобныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто прямо на волѣ.

былъ „причиной образованія самыхъ совершенныхъ породъ животныхъ, не исключая человѣка“ (!).

Правда, немного далѣе Дарвинъ говоритъ: „но съ другой стороны, всемогущій, всевѣдущій Творецъ все предвидитъ, все предопредѣляетъ“. Можемъ ли мы, однако, заключить изъ этихъ словъ, что основатель дарвинизма не хотѣлъ воевать съ христіанствомъ? Какъ разъ наоборотъ, мы видимъ здѣсь все ту же борьбу съ христіанствомъ, хотя, сравнительно съ Геккелемъ, лишь въ болѣе смягченной формѣ: вѣдь, очевидно, Дарвинъ говоритъ, что, хоть и съ прискорбіемъ, но и онъ долженъ утверждать, что во взглядѣ на происхожденіе живого міра и самого человѣка наука не можетъ согласиться съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ.

Сказаннаго выше, какъ кажется, уже достаточно, чтобы видѣть, до чего нынѣ доходитъ злоупотребленіе ученымъ авторитетомъ съ цѣлью, увы! антихристіанской проповѣди. Можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, что эта современная проповѣдь антихристіанства въ наукѣ не всегда злонамѣренна. Мы готовы допустить (хотя здѣсь немного утѣшительнаго, все-таки), что не малое число современныхъ представителей науки, не утратившихъ вѣры въ Творца Промыслителя, стыдятся сознаться въ этой вѣрѣ, дабы „не компрометировать себя въ качествѣ представителей точной (?) науки“.

Послѣ этой оговорки перейдемъ теперь еще къ двумъ частностямъ дарвинизма: къ ученію его о положеніи человѣка среди другихъ живыхъ существъ и къ ученію того же дарвинизма объ инстинктѣ. Считаю это нужнымъ еще и потому, что это дастъ намъ случай показать, что и противники дарвинизма въ этихъ вопросахъ склонны воевать съ христіанствомъ.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что завѣтной мечтой дарвинизма было обосновать утвержденіе о тожественности природы животныхъ и человѣка и тѣмъ опровергнуть основное начало христіанскаго міросозерцанія, по которому непреложной истиной признается совершенно обособленное отъ всего живого міра положеніе человѣка, какъ существа, созданнаго по образу и подобію Божію.

Для достиженія этой цѣли дарвинизмъ, съ одной стороны пытался доказать, что человѣкъ произошелъ отъ одной изъ

высшихъ группъ животныхъ, отъ обезьянъ Стараго Свѣта, какъ прямо утверждалъ Дарвинъ и его послѣдователи до самаго послѣдняго времени [1]), съ другой — пытался показать, что то, что принято считать духовной стороной человѣка (по существу отличающей его отъ животныхъ), есть будто бы плодъ дальнѣйшаго развитія способностей его животныхъ предковъ. „Какъ бы ни было велико различіе по уму между человѣкомъ и животными“, училъ Дарвинъ въ своей книгѣ о происхожденіи человѣка, „оно все же остается различіемъ по степени, а не по природѣ“.

Весьма естественно, что въ той же книгѣ о нравственномъ чувствѣ человѣка сказано, что „начало этого чувства лежитъ въ общественныхъ инстинктахъ животныхъ, а эти инстинкты, безъ сомнѣнія, были первоначально пріобрѣтены, какъ и у низшихъ животныхъ, путемъ естественнаго отбора“ [2]).

Не станемъ останавливаться здѣсь на вопросѣ о обезьянемъ происхожденіи человѣка. Вздорность, съ научной точки зрѣнія, этого предположенія несомнѣнно чувствуется уже теперь самими дарвинистами, такъ какъ за послѣдніе годы нѣкоторые изъ нихъ уже стали утверждать, на перекоръ истинѣ [3]), будто Дарвинъ никогда не говорилъ объ обезьяньемъ происхожденіи человѣка. Обратимъ здѣсь вниманіе лишь на вопросъ о духовной сторонѣ человѣка. Самъ Дарвинъ не допускалъ и мысли о томъ, что человѣку дано что-нибудь свыше. Будучи маніакомъ идея эволюціи, основатель дарвинизма говорилъ прямо: „Понятіе о всевѣдущемъ и всеблагомъ Творцѣ вселенной повидимому не рождается въ умѣ человѣка, пока онъ не достигнетъ высокаго развитія подъ вліяніемъ долговременной культуры“ [4]).

---

[1]) Ср. *А. Тихомировъ*, Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ, изд. 3.

[2]) Здѣсь Дарвинъ, уже не обинуясь признаетъ вліяніе естественнаго отбора, хотя въ своемъ основномъ сочиненіи считаетъ его, хотя и важнѣйшимъ, но не единственнымъ факторомъ эволюціи.

[3]) Descent of man (1871), 105, 394.

[4]) Наши дни показали съ полной очевидностью, что сама по себѣ культура въ дѣлѣ нравственности не играетъ никакой роли: къ той безумной жестокости, которую проявила въ настоящей войнѣ такъ позорно павшая Германія, не способно ни одно животное. Это одно показываетъ въ достаточной мѣрѣ, что духовная сторона человѣка, съ одной стороны, и сходныя съ ней повидимому явленія жизни животныхъ, съ другой — принадлежатъ разнымъ мірамъ.

Не удивительно, конечно, что и здѣсь, въ этомъ стремленіи низвести существо духовной природы человѣка до схемы саморазвитія изъ низшаго состоянія, дарвинизмъ долженъ былъ на каждомъ шагу прибѣгать къ прямой неправдѣ. Ограничимся здѣсь слѣдующими указаніями.

Примѣры изъ жизни народовъ, нетронутыхъ еще культурой вовсе, такъ наз. первобытныхъ дикарей, уже давно показали, что душевныя свойства этихъ людей: ихъ человѣколюбіе, преданность долгу и проч. въ основѣ неотличимы отъ соотвѣтствующихъ свойствъ культурныхъ націй. Этотъ фактъ, вполнѣ соотвѣтствующій взгляду Тертулліана, что душа человѣческая въ самой природѣ христіанскаго настроенія, конечно, шелъ совершенно въ разрѣзъ съ ученіемъ Дарвина о постепенной эволюціи этого настроенія и о происхожденіи нравственнаго чувства человѣка изъ животныхъ инстинктовъ, какъ изъ своего первоисточника.

И, вотъ, мы видимъ, что основатель дарвинизма въ своей книгѣ о происхожденіи человѣка не только не остановился на сейчасъ указанномъ фактѣ (хотя, конечно, долженъ былъ бы это сдѣлать, если бы относился хоть сколько-нибудь безпристрастно къ дѣлу), но, наоборотъ, изобразилъ совершенно животноподобными тѣхъ огнеземельцевъ (первобытныхъ дикарей Огненной Земли), которыхъ имѣлъ возможность наблюдать на ихъ родинѣ во время своего кругосвѣтнаго путешествія. Объ этихъ огнеземельцахъ Дарвинъ говорилъ: „Языкъ этого народа, сколько мы можемъ судить, едва ли заслуживаетъ названіе членораздѣльнаго... Эти люди были совершенно обнажены... длинные волосы были всклокочены, ротъ покрытъ пѣной, на лицѣ ихъ выражалась свирѣпость". Дарвинъ говорилъ при этомъ, что онъ хотѣлъ бы быть скорѣе потомкомъ обезьяны, чѣмъ „дикаря, который наслаждается мученіями своихъ непріятелей... не знаетъ никакого стыда" и т. п.

Къ сожалѣнію, намъ приходится быть свидѣтелями того, что свойства (злобное мученіе непріятелей, безстыдство и т. д.), которыя Дарвинъ приписалъ, нетронутымъ культурой огнеземельцамъ, проявилъ во всей ихъ полнотѣ одинъ изъ культурныхъ народовъ. Мы видимъ это съ ужасомъ и отвращеніемъ, но очень хорошо понимаемъ, что своему нравственному паденію нѣмцы именно обязаны тому, что расте-

ряли христіанское настроеніе своей души, поддавшись грѣховному соблазну земныхъ вожделѣній. Казалось бы одного этого примѣра достаточно, чтобы видѣть всю грубость попиранія правды дарвинизмомъ въ его ученіи объ эволюціи нравственнаго чувства человѣка и о природѣ его души вообще.

Легко, конечно, догадаться, что Дарвинъ далъ совершенно невѣрную характеристику огнеземельцевъ (въ лучшемъ случаѣ—по незнанію и въ результатѣ своихъ собственныхъ, непозволительно для ученаго, поверхностныхъ наблюденій). Въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія были опубликованы результаты научныхъ изслѣдованій специальной экспедиціи на Огненную Землю [1]). Не говоря уже о томъ вздорѣ, который позволилъ себѣ утверждать Дарвинъ, какъ плодъ своихъ наблюденій—объ отсутствіи будто бы у огнеземельцевъ настоящей членораздѣльной рѣчи, — со словъ этой французской экспедиціи можно сказать слѣдующее о первобытныхъ дикаряхъ Огненной Земли.

Огнеземельцы, съ одной стороны, очень внимательны, съ другой—скрытны. Ихъ лицо,—говорятъ участники названной экспедиціи,—болѣе напоминаетъ маску, чѣмъ лицо живого человѣка: такъ тщательно умѣютъ они скрывать свои чувства и мысли. Огнеземелецъ, прибѣжавшій къ пароходу и выпрашивающій себѣ подачки, становится неузнаваемъ, когда принимаетъ путешественника у себя въ хижинѣ. Здѣсь онъ самъ щедръ... Въ тоже время онъ очень сосредоточенъ; на вопросы путешественника отвѣчаетъ очень сдержанно. Изъ всего обращенія огнеземельца у себя дома замѣтно, что онъ гордъ и немного свысока относится къ пришельцу. Любопытно отмѣтить, что, несмотря на свою почти полную наготу, огнеземелецъ чрезвычайно стыдливъ... По ихъ отношенію другъ къ другу, огнеземельцевъ можно было бы назвать прямо добрымъ и веселымъ народомъ.

Вотъ характеристика огнеземельцевъ, данная учеными, имѣвшими случай тщательно изслѣдовать этотъ народъ. Мы видимъ, насколько и здѣсь правдивъ былъ Дарвинъ, въ

---

[1]) Mission scientifique d. Cap. Horn. Свѣдѣнія о высокомъ настроеніи души первобытныхъ дикарей Цейлона (веддовъ) Дарвинъ могъ бы найти и въ англійской литературѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

угоду своему ученію пытавшійся характеризовать огнеземельцевъ, какъ скопище какихъ то свирѣпыхъ и безстыдныхъ существъ.

Пойдемъ далѣе. Итакъ, дарвинизмъ настаиваетъ, что между природой человѣка и животныхъ нѣтъ различія по существу, что нравственное чувство человѣка имѣетъ свое начало въ общественныхъ инстинктахъ животныхъ, „и эти инстинкты“, говоря буквально словами основателя дарвинизма, „безъ сомнѣнія были первоначально пріобрѣтены, какъ и у низшихъ животныхъ, путемъ естественнаго отбора“.

Посмотримъ же, доказалъ ли Дарвинъ, что инстинкты животныхъ развились путемъ естественнаго отбора или показалъ ли онъ, что существуетъ хоть какое-нибудь основаніе допустить такое предположеніе (т. е. можно ли хоть вѣрить, что инстинкты имѣли такое происхожденіе).

Самъ Дарвинъ и его ревностные послѣдователи выставляли, какъ нѣчто весьма значительное и важное, утвержденіе, будто инстинкты произошли путемъ естественнаго отбора и будто именно такова была исторія ихъ развитія [1]). Посмотримъ же, что могъ привести въ пользу своего воззрѣнія на инстинктъ основатель дарвинизма.

Какъ извѣстно, Дарвинъ посвящаетъ цѣлую главу (VIII) своего *Происхожденія видовъ* сужденію объ инстинктѣ. Неудивительно, что и въ этомъ вопросѣ дарвинизмъ не даетъ ничего, кромѣ лжетолкованія, и пытается въ дѣйствительности создать только миражъ доказательствъ въ свою пользу, не будучи въ состояніи дать ихъ въ дѣйствительности. Дарвинизмъ, считаю не лишнимъ на это указать еще разъ, и здѣсь имѣетъ своей несомнѣнной цѣлью поколебать, казалось бы, неотъемлемую у насъ, какъ разумныхъ существъ, вѣру въ то, что въ мірѣ царитъ Божественный Разумъ, которымъ предопредѣленъ порядокъ вселенной и опредѣлено каждому живому существу его мѣсто въ природѣ.

---

[1]) Проф. Тимирязевъ въ вышеназванной статьѣ (Вѣстн. Евр. 1914 г.) говоритъ видимо какъ о весьма цѣнной находкѣ, о найденномъ въ 1909 г. собственноручномъ замѣчаніи Дарвина, что нужно смотрѣть на „инстинктъ, какъ на итогъ длинной исторіи накопленія полезныхъ приспособленій“. (Мы уже видѣли выше, какъ неудачна была попытка Дарвина изобразить образованіе породъ, какъ длительное накопленіе измѣненій въ опредѣленномъ направленіи).

Существованіе инстинкта, т. е. такихъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, которыя представляются намъ разумными, но полное сознаніе разумности которыхъ мы не можемъ приписать живымъ существамъ, эти дѣйствія совершающимъ,—казалось бы опровергаетъ уже само по себѣ весь дарвинизмъ, какъ ученіе объ эволюціи живого міра путемъ накопленія у живыхъ существъ случайно возникшихъ измѣненій ихъ организаціи, полезныхъ для нихъ въ борьбѣ за существованіе.

Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ главѣ, спеціально посвященной Дарвиномъ въ его книгѣ инстинкту, мы не находимъ никакого указанія, какъ можетъ ученіе о естественномъ отборѣ объяснить самое происхожденіе инстинкта. Быть можетъ нигдѣ такъ не сказалась вся неискренность дарвинизма, какъ, именно, здѣсь. Дарвинъ даже уклоняется отъ опредѣленія самаго понятія „инстинктъ“—(I will not attempt any definition of instinct—я не хочу пытаться дать какое либо опредѣленіе инстинкту“,—говоритъ онъ въ самомъ началѣ своего сужденія), ссылаясь на затруднительность будто бы этого опредѣленія, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности никакого затрудненія здѣсь нѣтъ: стоитъ только признать, что, совершая инстинктивное дѣйствіе, живое существо достигаетъ опредѣленной цѣли, какъ бы руководимое разумной волей. Неудивительно, конечно, что дарвинизмъ, пытающійся опровергнуть присущее міру цѣлестремленіе, не можетъ объяснить происхожденіе инстинкта соотвѣтственно своей точкѣ зрѣнія. Вотъ почему, вмѣсто прямого отвѣта, Дарвинъ долженъ былъ ограничиться здѣсь слѣдующей уклончивой фразой: „я не вижу затрудненія къ допущенію того, что естественный отборъ, сохраняя и постоянно накопляя уклоненія въ инстинктахъ, можетъ развить ихъ до любой степени полезности“. Итакъ, основатель дарвинизма, не имѣя возможности объяснить съ точки зрѣнія этого ученія происхожденіе инстинкта, говоритъ лишь о томъ, что разъ происшедшій инстинктъ можетъ путемъ естественнаго отбора развиваться дальше. Однако же, по собственному признанію Дарвина, онъ и здѣсь не достигаетъ ничего, и ему приходится прійти къ такому признанію: „я не претендую на то, чтобы приведенные въ этой главѣ факты хоть до нѣкоторой степени дѣлали мою

теорію болѣе прочной". Дальнѣйшее утвержденіе, будто бы эти факты и не противорѣчатъ теоріи (дарвинизму), не имѣетъ, конечно, никакого значенія, ибо, какъ оказывается изъ словъ самого основателя ученія, дарвинизмъ не можетъ объяснить происхожденіе инстинкта, а между тѣмъ это явленіе, повторяю, уже само по себѣ въ корень опровергаетъ ученіе о естественномъ отборѣ, какъ ученіе о цѣлесообразности, достигаемой путемъ счастливой случайности.

Итакъ дарвинизмъ безусловно не можетъ научно обосновать предположеніе о происхожденіи инстинкта путемъ естественнаго отбора. Таково собственное признаніе Дарвина, хотя, какъ все у него, весьма запутанное. Это однако же нисколько не помѣшало тому же Дарвину въ его позднѣйшемъ трудѣ *Происхожденіе человѣка* утверждать, какъ было уже указано, что общественные инстинкты высшихъ животныхъ „были первоначально пріобрѣтены, какъ и у низшихъ животныхъ, путемъ естественнаго отбора". Слова „первоначально пріобрѣтены" не могутъ быть здѣсь поняты иначе, какъ „произошли", т. е., слѣдовательно, Дарвинъ здѣсь выдаетъ уже прямо недоказанное за доказанное. Вотъ примѣръ того, что въ философіи зовется недобросовѣстнымъ сужденіемъ. Слѣдовательно, мы видимъ здѣсь недобросовѣстную борьбу матеріализма съ христіанствомъ.

Извѣстно очень хорошо, что Дарвинъ самъ стремился показать, что онъ далекъ отъ мысли бороться съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Если онъ въ этомъ былъ искрененъ, то это только еще разъ показываетъ, что онъ былъ лишенъ ясности мышленія, и—только, такъ какъ въ сущности все его ученіе есть походъ науки противъ христіанства. Его послѣдователи этого и не скрывали. Выше были приведены выпады противъ христіанства Геккеля. А вотъ что мы читаемъ въ выше цитированной статьѣ нашего отечественнаго дарвиниста, проф. Тимирязева:

„Вселенскій клерикализмъ повсюду вооружается въ надеждѣ вернуть себѣ утраченную власть, и, конечно, главнымъ препятствіемъ на его пути является наука. Самымъ могущественнымъ оружіемъ въ этой борьбѣ мрака съ разумомъ является погоня за чудеснымъ. Это понималъ Руссо, когда говорилъ: „если бы я собственными глазами увидалъ чудо, я можетъ быть сошелъ бы съ ума, но не увѣровалъ

бы“. Для него было ясно, что разумъ создался въ мірѣ закономѣрныхъ явленій и для него“ [1]).

Эти слова нашего соотечественника не представляютъ ничего новаго и только еще разъ напоминаютъ намъ, что борьба въ наукѣ съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ ведется упорно и не потому, что наука нашла къ тому какія-нибудь основанія, а только потому, что многимъ дѣятелямъ науки борьба эта желательна. Увы, это грѣховное желаніе борьбы съ правдой всегда было и будетъ у многихъ людей [2]).

Конечно, дарвинизмъ есть только одно изъ проявленій этой борьбы науки съ христіанствомъ. Достаточно вспомнить, что Негели, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ ботаниковъ XIX столѣтія, будучи противникомъ ученія о естественномъ отборѣ, въ то же время утверждалъ, что наука не можетъ допустить „чуда“.

Не стану останавливаться здѣсь на вопросѣ о томъ, имѣетъ ли наука какое-нибудь основаніе оспаривать возможность чуда. Позволю себѣ здѣсь ограничиться лишь указаніемъ на то, что сказано мною по этому предмету въ другомъ мѣстѣ. Тамъ я указываю, что наука не можетъ не допускать чуда [3]). Если раздаются голоса, утверждающіе иное, то все сводится здѣсь къ тому, что люди, не желающіе быть вѣрующими, идутъ на самообманъ [4]).

Тотъ же дарвинизмъ, ученіе явно направленное къ тому, чтобы показать, будто въ мірѣ жизненныхъ явленій нѣтъ ничего чудеснаго, представляетъ собою яркій примѣръ сплошного самообмана. Отрицая въ инстинктѣ, да и, какъ сейчасъ сказано, во всѣхъ явленіяхъ жизни элементъ чудеснаго, Дарвинъ признавалъ, что жизнь „со всѣми ея разнообразными свойствами“ вдохнулъ въ міръ Творецъ, другими словами, считалъ самую жизнь чудомъ дѣла Божія

---

[1]) Почтенный авторъ не хочетъ понять, что мечта о самосозданіи разума въ мірѣ закономѣрности явленій и для него „равна“ мечтѣ поднять себя самого за поясъ.

[2]) Быть можетъ события нашего времени подѣйствуютъ здѣсь отрезвляюще. Въ Германіи призывъ къ борьбѣ съ христіанствомъ уже превратился въ призывъ „воли къ насилію“, и этому призыву Ницше уже послѣдовали тамъ и правители, и чернь. Послѣдствія у насъ на глазахъ.

[3]) *А. Тихомировъ*, Созданіе жизни на землѣ, стр. 7 и др.

[4]) *А. Тихомировъ*, Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ, изд. 3-е.

Послѣ всего сказаннаго, конечно, не можетъ казаться удивительнымъ, что дарвинизмъ, — это матеріалистическое міровоззрѣніе, столь характерное для второй половины XIX столѣтія,—нынѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ свое обаяніе, какъ ученіе, оказавшееся полнымъ самопротиворѣчій и къ тому же ужъ слишкомъ не брезгавшее прямой неправдой. Легко понять, далѣе, что именно здѣсь нужно искать причину ясно сказавшагося за послѣднее время охлажденія читающихъ круговъ къ философствующей біологіи и сильно возросшаго желанія прислушиваться къ голосу метафизиковъ. Послѣдніе, привыкшіе къ болѣе строгому, сравнительно съ біологами, мышленію, не боятся, конечно, не быть матеріалистами. Однако же и здѣсь въ сужденіяхъ о жизненныхъ явленіяхъ мы встрѣчаемся на каждомъ шагу съ антихристіанской работой мышленія.

Яркимъ примѣромъ является здѣсь Бергсонъ, авторъ *Творящей эволюціи*. Остановимся на его сужденіи [1] объ инстинктѣ, умѣ [2] и интуиціи [3], такъ какъ пониманіе этихъ элементовъ жизни, свойствъ живого міра, даетъ намъ путь къ уясненію положенія человѣка въ природѣ, къ рѣшенію вопроса о томъ, должны ли мы согласиться съ ученіями, выставляющими человѣка, какъ высшую форму въ царствѣ животныхъ, или остаться вѣрными, казалось бы ни съ какой точки зрѣнія неоспоримому христіанскому міросозерцанію, по которому человѣкъ есть совсѣмъ особое живое существо,— созданное по образу и подобію Божію.

Несомнѣнно и въ Бергсонѣ, несмотря на его антиматеріализмъ, мы видимъ антихристіанскаго мыслителя, который къ тому же—считаю это полезнымъ отмѣтить,—самъ того не замѣчая, въ значительной степени находится подъ вліяніемъ біологовъ эволюціонистовъ (какъ это было и съ Э. ф. Гартманомъ, одновременно высмѣивавшимъ дарвинизмъ и вѣрившимъ въ его нелѣпое утвержденіе о происхожденіи человѣка отъ обезьяны).

Создавая свое ученіе о творящей эволюціи, т. е. о творящемъ самого себя живомъ мірѣ, Бергсонъ считаетъ факто-

---

[1]) H. Bergson, L'évolution creatrice. Chap. II, III.

[2]) Способность мышленія (разсужденія).

[3]) Проникновеніе (непосредственное уразумѣніе, прозрѣніе).

ромъ эволюціи присущее этому міру самобытное стремленіе (élan originel). Чтобы ясно представить точку зрѣнія Бергсона, достаточно указать, что онъ утверждаетъ, будто то разнообразіе формъ, которое мы видимъ въ живой природѣ, зависитъ отъ двухъ причинъ: „отъ противодѣйствія, которое оказываетъ жизни неорганизованное вещество (matière brute) и отъ возбуждающей силы, которую содержитъ въ себѣ жизнь“ [1]). Мы узнаемъ при этомъ отъ автора разсматриваемаго ученія, что жизнь, для того, чтобы одержать побѣду надъ неорганизованной матеріей, чтобы превратить ее въ организованную, должна была будто бы то „принижаться“, то „быть вкрадчивой“, то „лукавить“ и т. п. Конечно, сейчасъ приведенныя выраженія въ примѣненіи къ жизни, вошедшей въ міръ, сами по себѣ представляются нелѣпыми и имѣютъ своею цѣлью представить жизнь не въ видѣ всесильнаго творческаго акта, а въ видѣ начала относительной силы; но несомнѣнно, что Бергсонъ представляетъ себѣ жизнь не какъ порожденіе самой неорганизованной матеріи (о чемъ говорятъ подлинные матеріалисты), а какъ нѣчто, вошедшее въ эту матерію извнѣ.

Очевидно Бергсонъ говоритъ о созданіи жизни, такъ же, какъ говоритъ объ этомъ и христіанское міровоззрѣніе; но онъ не хочетъ признать, хотя, конечно, долженъ былъ бы это сдѣлать, что жизнь создана Всемогущимъ Творцомъ. Наоборотъ, принимая по существу наличность въ живомъ мірѣ самобытнаго (и, конечно, чудеснаго, таинственнаго) начала стремленія, Бергсонъ утверждаетъ, будто бы намъ нѣтъ никакой нужды допускать въ жизни (въ томъ разнообразіи формъ, которую она представляетъ) наличность таинственной силы (force mystérieuse)! Очевидно метафизикъ хочетъ показать, что онъ вѣритъ въ чудо, но понимаетъ его не такъ, какъ понимаетъ христіанинъ.

Дѣйствительно, Бергсонъ, по примѣру своего предшественника еврея пантеиста Спинозы, не хочетъ отдѣлять творящаго (natura naturans) отъ сотвореннаго (natura naturata) и говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей книги.

---

[1]) Эта возбуждающая сила и есть то самобытное стремленіе (къ эволюціи), которое Бергсонъ называетъ élan originel.

[2]) L'évolution creatrice (1911), 175.

„Жизнь, неудовольствовавшись созданіемъ организмовъ, захотѣла какъ бы въ видѣ придатка къ нимъ дать еще и неорганизованную матерію, превращенную въ огромное орудіе дѣйствія (un immense ograne) изобрѣтательностью живого существа“.

Эта весьма фигурально составленная фраза на самомъ дѣлѣ говоритъ то же самое, въ дѣйствительности только маскируетъ то, что говоритъ и христіанское міровоззрѣніе, а именно: Творецъ, создавшій міръ живыхъ существъ (растеній и животныхъ), создалъ еще и человѣка, которому далъ, ему одному принадлежащую, способность изобрѣтенія—творчества.

Пойдемъ далѣе. На вопросъ, каково же различіе между человѣкомъ и всѣми другими живыми существами, Бергсонъ справедливо говоритъ, что это различіе не по степени, а по природѣ (de nature) [1]. Метафизикъ ссылается при этомъ на естествоиспытателя (Шелера, Shaler), высказавшаго ту справедливую мысль, что, когда среди живыхъ существъ „мы доходимъ до человѣка, намъ кажется, что здѣсь уже пропадаетъ зависимость ума отъ тѣла“. Казалось бы, всякій біологъ долженъ подтвердить, что только одинъ человѣкъ среди всѣхъ живыхъ существъ, является дѣйствительнымъ хозяиномъ своего тѣла. Шелеръ, конечно, справедливо говоритъ, что, несмотря на все кажущееся сходство въ строеніи мозга человѣка и высшихъ животныхъ, умъ человѣка, хотя физіологически и являясь функціей мозга, представляется совершенно инымъ по природѣ, сравнительно съ умомъ животныхъ. Въ подтвержденіе этого Бергсонъ ограничивается указаніемъ на способность рѣчи у человѣка. Не слѣдуетъ, однако, при этомъ забывать, что способность рѣчи не есть только функція мозга, а и другихъ частей (голосового аппарата и т. д.). Слѣдовательно, что Шелеръ говоритъ о мозгѣ—должно быть повторено и о всемъ тѣлѣ человѣка [2]).

---

[1]) Ibid. 198.

[2]) Позволю себѣ напомнить, что мною не разъ указывалось, что и все тѣло человѣка, какъ бы оно ни казалось намъ сходнымъ съ тѣломъ животныхъ, отличается отъ него именно въ томъ отношеніи, что человѣкъ можетъ господствовать надъ своимъ тѣломъ (Ср. Судьба дарвинизма, Основной вопросъ эволюціи въ біологіи и др.).

Въ виду сейчасъ сказаннаго, представляется совершенно непослѣдовательнымъ (какъ съ философской, такъ и съ біологической точки зрѣнія) со стороны Бергсона (и другихъ философовъ, какъ напр. Гартмана), признавая природу человѣка по существу отличающейся отъ природы всѣхъ остальныхъ живыхъ существъ, говорить объ эволюціи человѣка, какъ одной изъ формъ царства животныхъ. Очевидно, здѣсь метафизикъ идетъ по невѣрному пути біологовъ, заговорившихъ о такои эволюціи только на основаніи чисто внѣшняго сходства частей тѣла и стадій тѣлеснаго развитія, не принимая во вниманіе того, что нашему наблюденію въ данномъ случаѣ подлежитъ лишь очень немного изъ того что было бы необходимо подвергнуть наблюденію для рѣшенія вопроса.

Это навѣянное поверхностно судящими біологами стремленіе разсматривать человѣка со всѣми свойствами его природы какъ одну изъ боковыхъ вѣтвей или какъ центральный отпрыскъ общаго для всѣхъ живыхъ существъ родословнаго дерева, привело Бергсона и къ невѣрной идеѣ эволюціи инстинкта и ума.

Подобно тому какъ этотъ метафизикъ полагаетъ, что, хотя природа растительной и животной жизни различествуетъ между собой не по степени, а по существу, все же и та и другая будто бы имѣли общее начало, онъ думаетъ, что и эволюція инстинкта и ума шла по той же схемѣ. Бергсонъ говоритъ прямо: „умъ и инстинктъ... сохраняютъ въ себѣ нѣчто изъ своего общаго начала" (ibid. 147). Вотъ почему, говоритъ онъ далѣе, „нѣтъ дѣйствія ума, въ которомъ (дѣйствіи) нельзя было бы открыть слѣды инстинкта, какъ нѣтъ инстинктивнаго дѣйствія, которое не было бы обрамлено умомъ".

Съ точки зрѣнія Бергсона, съ ходомъ эволюціи расхожденіе инстинкта и ума шло все далѣе и далѣе и, наконецъ, путемъ эволюціи выдѣлился изъ всего міра живыхъ существъ человѣкъ, у котораго умъ настолько свободенъ, что, въ то время какъ животныя имѣютъ орудіемъ своихъ дѣйствій только живые снаряды (instruments organisés—здѣсь подразумѣваются, конечно, части тѣла самого животнаго), человѣкъ имѣетъ орудіемъ дѣйствія искусственные снаряды, которые мастеритъ самъ. Бергсонъ полагалъ бы, что поэтому

человѣку болѣе подходило бы систематическое названіе Homo faber, чѣмъ придуманное Линнеемъ для человѣка (какъ живого существа) систематическое названіе Homo sapiens. Чтобы вполнѣ уяснить этотъ свой взглядъ на дѣло, Бергсонъ курсивомъ напечаталъ такую фразу: „законченный инстинктъ есть способность пользоваться и даже создавать организованные снаряды; законченный умъ есть способность мастерить и употреблять неорганизованные снаряды“ [1]).

На всѣ эти разсужденія метафизика, навѣянныя ему, повторяемъ, біологами эволюціонистами мы можемъ сказать, что въ дѣйствительности наука вовсе не открыла эволюціи высшихъ формъ изъ низшихъ: она знаетъ только эволюцію (развитіе) отдѣльныхъ живыхъ особей, прохожденіе ими разныхъ степеней организаціи и способность отдѣльныхъ живыхъ существъ измѣнять свою форму (варьировать), не повышаясь при этомъ въ степени организаціи.

Вотъ почему въ дѣйствительности наука не имѣетъ никакого права оспаривать того положенія христіанскаго міровоззрѣнія, что созданіе всѣхъ живыхъ существъ и человѣка, занимающаго среди нихъ по всей своей природѣ совсѣмъ особое положеніе, есть чудо Промысла Божія.

Метафизикъ Бергсонъ говоритъ:

„Умъ съ помощью знанія, которое представляетъ плодъ его работы, будетъ намъ все болѣе и болѣе открывать тайну физическихъ явленій; о жизни же онъ намъ не даетъ и не домогается дать ничего кромѣ пересказа на языкъ инерціи... [2]) Уяснить смыслъ жизни (l'intérieure même de la vie) намъ можетъ лишь проникновеніе (intuition), я сказалъ бы, ставшій безучастнымъ, самосознающій инстинктъ“ [3]).

Изъ предшествующаго, какъ мнѣ кажется, само собою вытекаетъ, что Бергсонъ, хотя и допускаетъ, въ противоположность чистому матеріализму, что различіе между человѣкомъ и остальными живыми существами (въ частности, животными) есть различіе по существу, по природѣ, на са-

---

[1]) Ibid. 152. Здѣсь слово „achevé“ быть можетъ слѣдовало бы перевести „чистый“, „вполнѣ обособленный“. Подъ словами же „организованный“ и „неорганизованный“ подразумѣвается „живой“ и „не живой“.

[2]) Не живой природѣ.

[3]) Ibid. 192.

момъ же дѣлѣ (быть можетъ, безсознательно), стремится показать обратное, т. е. что свойства природы человѣка отличаются отъ свойствъ природы животныхъ только по степени, и такимъ образомъ впадаетъ въ самопротиворѣчіе. Къ этому заключенію приводятъ, на мой взглядъ, всѣ его сужденія о постепенномъ развитіи инстинкта и ума, о постепенномъ ихъ обособленіи, какъ выражается этотъ метафизикъ.

Не будемъ болѣе возвращаться къ этому частному вопросу. Скажемъ лишь, что наука не только не можетъ оспаривать различія по существу между природой человѣка и природой остальныхъ живыхъ существъ, но имѣетъ полное основаніе утверждать, что и съ ея точки зрѣнія, это различіе, само собой вытекающее изъ христіанскаго міровоззрѣнія, несомнѣнно.

Было указано выше, что Бергсонъ склоняется на сторону тѣхъ естествоиспытателей, которые говорятъ, что, когда мы доходимъ до человѣка, то по отношенію его умственныхъ способностей мы не видимъ уже той зависимости между тѣломъ (развитіемъ мозга) и этими способностями, которую мы видимъ у животныхъ.

Спрашивается, однако, можемъ ли мы говорить о проявленіи умственныхъ способностей человѣка въ широкомъ смыслѣ этого слова (т. е. о творчествѣ человѣка, его талантахъ) только какъ о функціяхъ мозга? Конечно, нѣтъ. Съ физіологической точки зрѣнія мозгъ вмѣстѣ со всей остальной нервной системой управляетъ всѣми функціями тѣла, всѣмъ имъ. Этого достаточно, чтобы имѣть право сказать, что, когда мы доходимъ до человѣка, мы уже не видимъ прямой зависимости, въ смыслѣ подчиненія, способностей человѣка отъ его тѣла вообще. Словомъ, мы имѣемъ право и должны сказать, что коренное различіе, или различіе по существу, между человѣкомъ и животнымъ въ томъ и состоитъ, что животнымъ управляютъ функціи его тѣла, въ то время какъ человѣкъ,—конечно, въ опредѣленной степени,—управляетъ функціями своего тѣла. Вотъ почему надъ животнымъ господствуетъ его тѣло, человѣкъ самъ господствуетъ надъ своимъ тѣломъ. А такъ какъ всѣ способности человѣка, а въ томъ числѣ и его умъ и таланты съ физіологической точки зрѣнія суть функціи его тѣла, то, слѣдовательно, и всѣ эти способности, съ той же точки зрѣ-

нія, подчинены самому человѣку, а онъ ими сознательно управляетъ [1]).

Вотъ почему нисколько не удивительно, что въ то время какъ въ любомъ видѣ живыхъ существъ, и въ томъ числѣ всѣхъ животныхъ, всѣ особи этого вида надѣлены одинаковыми способностями (одинаково летаютъ, бѣгаютъ, роютъ землю, строятъ свои жилища и т. п.), способности (умъ и таланты) отдѣльныхъ людей въ высшей степени различны. Равнымъ образомъ не удивительно, что человѣкъ, сознавая это господство надъ своимъ тѣломъ и вообще надъ собою, можетъ развивать свои способности: свой умъ и свои таланты. Это сознаніе господства надъ самимъ собой порождаетъ естественно въ человѣкѣ и сознаніе отвѣтственности за это господство—совѣсть. Она то и составляетъ то прирожденное христіанское настроеніе души человѣка, о которомъ говоритъ Тертулліанъ [2]).

Вѣра въ совсѣмъ особое положеніе человѣка въ мірѣ живыхъ существъ намъ врождена, какъ врождено намъ и сознаніе нашей отвѣтственности передъ Творцомъ — Создателемъ и Устроителемъ міра. Христіанство даетъ намъ непреложное толкованіе этой отвѣтственности. Вѣру въ это колеблетъ лишь грѣховная слабость нашей воли. Горе всѣмъ потакающимъ этой слабости, а въ томъ числѣ,—и тѣмъ дѣятелямъ науки, которые вооружаются противъ христіанства!

Въ протестантской Германіи, нынѣ такъ всѣхъ удивившей своимъ зломъ и ложью, возникъ на нашихъ глазахъ союзъ (Союзъ монистовъ), поставившій своей задачей борьбу науки съ христіанствомъ. Пусть же въ православной Россіи наука никогда не забываетъ своего святого долга — итти за Христомъ, укрѣплять христіанское настроеніе человѣческой души!

26 сентября 1914 г.

---

[1]) Таланты человѣка можно было бы назвать, съ той же физіологической точки зрѣнія, сознательными, управляемыми инстинктами.

[2]) Выше мы привели выраженіе одного изъ современныхъ матеріалистовъ: „разумъ создался въ мірѣ законченныхъ явленій и для него“. Мы отрицали всякій научный смыслъ въ этой фразѣ; но сама по себѣ она ясно показываетъ, что матеріалисты хотѣли бы забыть о возвышающей нашу душу, присущей ей, вѣрѣ въ чудо созданія и устроенія міра Всемогущимъ Творцомъ и жаждутъ представляющейся безсмысленной даже ограниченному человѣческому уму вѣры въ самосозданіе жизни и созданія ею же ее познающаго разума.

